

история
нескольких
писем

24/II-352.

Милая Тужка, здравствуй! Разве я
могу тебя забыть? 21/II я получил твое
письмо от 12/II-352. и же два письма,
позднее и следующее за ними я тоже
получил. С наилучшими всеми
поздравлениями тебе. Как мне
хотелось быть с тобой, Тужка! В
нашей весне и жаром солнцем.
как хотелось, любить! Я недавно видел
Олеся, совсем близко. Я заметил, как
раздвигаются его власные ноздри, в
воздухе нашей весны. У меня сейчас
много работы, но я буду ретее приходить,
занимаюсь и пишу тебе. Лежон-на я
надеюсь больше иметь времени на это.
А прокуратура я совсем не умею работать.
Моему другу, коллеге, я не пробовал, да
и не любил. Но для тебя я прилежно-де-
лаю и пишу тебе. Я надеюсь, что ты

Музей
истории
ГУЛАГа

| ФОНД
ПАМЯТИ |

автор-составитель, верстка
Анастасия Черникова

автор-составитель, расшифровка рукописного архива
Виктория Андропова

художник
Георгий Малинский

куратор проекта, ответственный редактор
Мария Бронская

куратор проекта, художественный редактор, дизайн
Наташа Маркина

корректор
Татьяна Дека

история нескольких писем

В январе 2020 года в Музее истории ГУЛАГа открылась экспериментальная лаборатория «Отпечатки». Ее участники, творческая группа подростков, исследовали личные архивы репрессированных, хранящиеся в Музее. На основе документального материала они создали три собственные книги: «История нескольких писем», «Кусочек мыла», «Еще мы любили танцевать...».

Анастасия Черникова, Виктория Андропова и Георгий Малинский, авторы книги «История нескольких писем», работали с письмами художника Юрия Решетникова, написанными из лагеря его однокурснице и возлюбленной Рине Синельниковой.

Москва, 2020

Юрий Александрович Решетников родился в 1914 г. в Москве. В 1933 г. он стал студентом Московского полиграфического (художественного) института, был старостой группы. В январе 1934 г. он был арестован с группой своих однокурсников и заключен в Бутырскую тюрьму. Решетников был осужден по сфабрикованному делу по ст. 58 УК РСФСР (контр-революционные преступления) и приговорен к 10-ти годам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). Он был отправлен в Медвежьегорск в Беломорско-Балтийский ИТЛ. На свободе у него осталась возлюбленная — его однокурсница художница Рина Яковлевна Синельникова. Она писала ему письма, посылала краски, карандаши и книги. Эта история о любви, которая выжила в тяжелых условиях лагеря, преодолела много преград и была вместе с Юрием Решетниковым до самой его смерти. А после ее бережно хранила в своей памяти Рина Яковлевна.

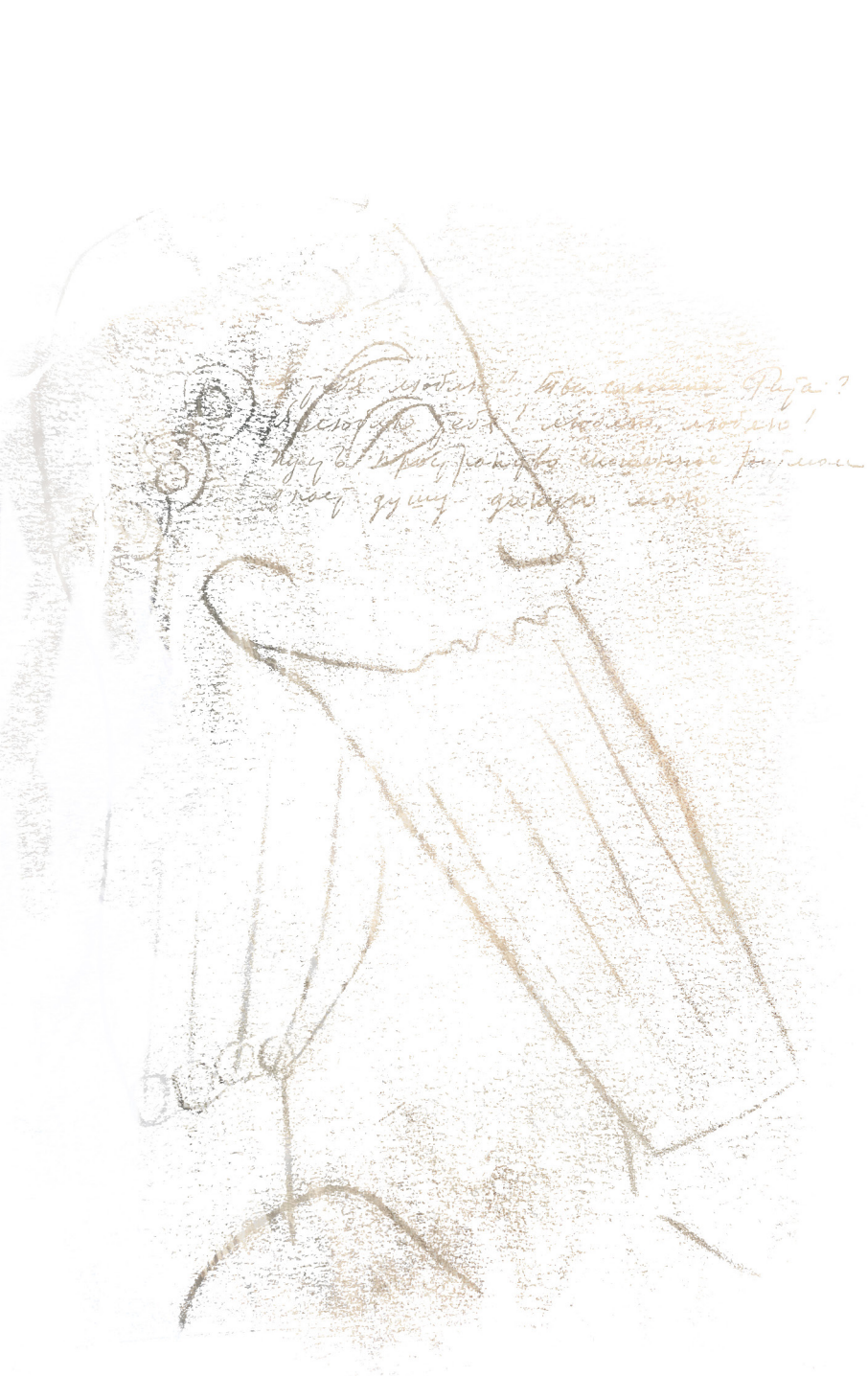
Белые ночи. Сколько сейчас времени? Не угадать нипочем.

За взъерошенной спиной увала — заря. Она застыла. И над ней лиловые холодные облака. Я люблю тебя, Рита. Ты одна из всех моих друзей не сделала вида, что забыла меня. Какая белая, какая незабываемая ночь.

Я продолжаю. Был перерыв в два дня. Ты видишь, я перед тобой откровенен. Не потому, что у меня не было времени, а просто потому, что я хочу писать тебе откровенно. Хочу писать в моменты, когда мысли мои сосредотачиваются на тебе. Я сижу за тем столом, за которым я работаю. Нас в этой комнате живет двое. Мой товарищ интеллигент. Интеллигент не в пошлом смысле этого слова. А настоящий, каким должен быть настоящий понимающий. Он тоже сейчас пишет письмо. Вчера было солнце. Играли в футбол с другим лагпунктом. Ничья. А сейчас дождь. За стеклами пейзаж плывет в дождевых струях в сером и сыром дне. Новые постройки желты от дождя и кажутся еще новей. И кажется, что на небольшом клочке земли только мы живем и мыслим, а дальше леса, леса и лысые черепа увалов и каменных холмов. И чудно думать, что где-то там все по-прежнему бурлит жизнь, звенят и грохочут трамваи, ревут сирены. И люди, повинувшись какой-то единой воле, в огромных усилиях, как бы втаскивая гранитные плиты, строят, как пирамиду Хеопса, Социализм. Впрочем, я заговорился. Человеку, считающему себя настоящим художником, не следует говорить о политике, а то у него всегда выйдет невпопад. Где-то там, на Мясницкой, в здании напротив почтамта, в тихой аудитории между мольбертами ходит бодрый старичок. А молодые, как губки, вбирают в себя все — от общих

мыслей до последнего штриха. Но скоро некоторые уже сами начнут излучать свое. Но и я тут учусь, и эта школа едва ли менее важная, чем ваш институт. Ты скажешь, что эта страничка опять задышала стужей. Это потому, что я немного отклонился в сторону. А мой взгляд на мир, на людей, на жизнь и даже на природу не такой, как на тебя. Он холоден, и ясен, и суров, но справедлив. Значит, к тебе я несправедлив? В чем, когда? Нет, я не то хочу сказать. Я говорю: к тебе у меня одно чувство. И оно подавило остальные. Поэтому если бы я вздумал тебя описывать, то мое описание было бы и не холодным, и не суровым, и не справедливым. Ты скажешь, что мой взгляд устарел. Ты ошибаешься. Когда экспрессионист пишет картину, он тоже несправедлив, но только с точки зрения фотографии. И его деформация действительности всегда объективна и подчинена холодной воле опыта.

Итак: я отрастил себе бороду и стал похож на (да, если ты захочешь когда-нибудь меня увидеть, то ты сможешь это сделать) ассирийский барельеф. Я видел сон, где мы с тобой сидели в той же комнате. И ты смотрела на меня строго и говорила какие-то мягкие, но тяжелые слова. А после вдруг мы засмеялись, и как бы вся комната наполнилась какой-то острой морской зыбью, плещущей, звонкой. Такой, как мы рисуем в детстве под пароходами. (Рисунок) И глаза твои были, как раньше, теплые и совсем не злые. Ну вот, я опять почти ничего тебе не сказал. Может быть, когда-нибудь увидимся. Тогда я тебе скажу. Мы далеко друг от друга, но ты мне стала гораздо ближе. Целую и люблю. (Подпись)

Я тебя люблю! Ты слышишь, Рита?
Я люблю тебя! Люблю, люблю!
Пусть пространство, скошенное ритмом,
Знает душу дикую мою.

Ритка милая, здравствуй! Большое тебе спасибо за книги, краски и бумагу. Прими мою благодарность. Благодарность влюбленного волчонка. У которого глаза загораются от звуков твоего имени. Который любит тебя, как никого еще не любил. И который не знает, что бы он сделал, если бы увидел тебя. Он, наверно, съел бы тебя. Или нет. Он зацеловал бы тебя. Сердце его всегда бьется звонко в морозном воздухе косолапой зимы. Ритка! Я пишу стихи, и все они о тебе, о чем бы я ни писал. Мне очень понравилась книжка песен древних. Как здорово они писали! Такой красоты и у Пастернака не всегда встретишь. Одна «пылающая вода» чего стоит. В рисовании у меня большой сдвиг. Рисую много с натуры, но больше композиции. Живописью приходится заниматься реже. А композицию я, так сказать, освоил недавно. Ритм и динамику во времени я постиг сам. И теперь горжусь этим. Это самое трудное в искусстве. Ибо точно копировать натуру может научиться всякий. А быть композитором может только художник. Ритка, жаль, что я не видел эти три твоих натюрморта. Но я знаю, что они понравились бы мне. Я знаю, что ты живописец, Ритка! Ты мне писала о своих эмоциях во время живописи — это и есть эмоции живописца! У нас открывается каток. Я буду учиться кататься на коньках. Ты, по-моему, знаешь, что я раньше не умел. Сегодня я играл в шахматы и выиграл все десять партий у хорошего игрока, это для меня неожиданность. Но я весь такой. Даже в спорте. Я помню, когда я готовился к районной спартакиаде в Загорске, у меня результат по ядру не выходил за пределы десяти метров. А на соревновании я толкнул его на одиннадцать пятьдесят.

Ты мне снилась вчера, Ритка! Этот сон похож на сны, виденные в детстве, пригрезившиеся, как продолжение сказок, которые мне читала мама. У нас тепло в комнате, а на стене часы. И ночь поет за окном, как кликуша, все одну и ту же далекую и родную песнь. Тихо в комнате, только кран да неугомонные ходики чеканят одинаковые минуты. Ты тихоходишь и садишься за стол. Я вижу тебя, как тогда. И я говорю: я люблю тебя, Ритка. Люблю потому, что люблю. И я смотрю тебе в глаза и вижу Москву и бульвар, и слышу свой голос: я люблю тебя... Итак, я кончаю письмо. Я ложусь, нет, я сначала гашу свет, а после ложусь. Мой волчий хребет приятно вытягивается. Я грежу, я вижу тебя, свернувшуюся по-меховому в постели, ласковую... я вижу себя, одетого «чарльстон». Плечистого и неуклюжего, никогда не умевшего танцевать, но тоже любящего девушек, нет, не девушек, а девушку — Ритку, которую он сейчас целует и желает ей здоровья и счастья. (Подпись)

ГМИГ ВХ-6293. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, Беломорско-Балтийский ИТЛ, 22 декабря 1934 г.

Не песней — надтреснутым словом,
как камнем из неба души,
мы любим выходя в зори
Когда проносятся: „Туда!“

Мы знаем, что ~~кто~~ ~~свое~~ ~~разруша~~
и в чужих, чужих ~~чужих~~ ~~чужих~~
всесилье, родившийся в аду,
мы любим людей ~~чужих~~

И это, любовь, прощанье
искупать, зовя ~~в~~ ~~дом~~
искупать, ~~в~~ ~~дом~~
горя, излучая ~~в~~ ~~дом~~

И ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~
а ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~
все ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~
Белая ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~
и ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~
сид ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~
Убра ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~

И ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~ ~~в~~ ~~дом~~

Входи! Не считай за утрату!
Считай лишь, что все здесь твое.
И помни, что нету возврата
Тому, кто хоть раз запоет!

Входи! Не считай за утрату!
Считай лишь, что все здесь твое.
И помни, что нету возврата
Тому, кто хоть раз запоет!

24/II – 35 г.

Милая Ритка, здравствуй! Разве я могу тебя забыть?

21/II я получил твое письмо от 12/II – 35 г. и те два письма, новогоднее и следующее за ним, я тоже получил.

С наступлением весны время начинает тянуться медленней. Как мне хочется быть с тобой, Ритка! В воздухе пахнет весной и талым снегом. И хочется, как хочется любить! Я недавно видел оленя, совсем близко. Я заметил, как раздуваются его влажные ноздри, — в воздухе пахнет весной.

У меня сейчас много работы, поэтому реже приходится заниматься искусством. Летом же я надеюсь больше иметь время на это. А фокстроты я совсем не умею танцевать. Может быть, потому, что не пробовал, да и не любил. Но для тебя я прелестно бы их выучил и был бы хорошим танцором. Я хорошо танцую на ринге во время бокса, это называется «игра ног». Я недавно попробовал потренироваться. Но получил нокаут, правда, от хорошего боксера. Сказалось долгое отсутствие практики и его весовое преимущество. Бокс, по-моему, тоже танец любви, правда, несколько более первобытный и другого содержания.

У Джека Лондона есть два романа: «Игра» и «Первобытный зверь». Там он очень хорошо говорит о том, что такое бокс. Там же старый Пэт говорит сыну, что бойся женщин, но если найдешь и полюбишь какую, то держи ее крепче, ибо ты, я знаю, не ошибешься.

Так и я хотел бы держать тебя крепко, милая Ритка!

Я нарисовал свой портрет маме, рисунок, правда, неважный, но хорошо передано сходство, так сказать, внутреннее содержание, никакой фотографии этого не сделать.

Ритка! Ведь весна скоро, а мы далеки друг от друга.

Ритка, люблю! Твой (подпись)

ГМИГ ВХ-6297. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 24 февраля 1935 г.

Я никогда так нежно не любил.
Так сильно не грустил, не тосковал
О девушке, с которой подружил
В гудящих дебрях институтских зал.

ГМИГ ВХ-6298. Фрагмент стихотворения, написанного
Ю.А. Решетниковым Р.Я. Синельниковой 14 апреля 1935 г.
в 8-м отделении Белбалтлага на Соловецких островах.

Спустя некоторое время Юрий Решетников был переведен с материка на Соловки. Соловецкий лагерь особого назначения ОГПУ был организован 13 октября 1923 года и действовал до 4 декабря 1933 года. Первый лагерь принудительных работ на Соловках появился еще в мае 1920, а в 1923 году на его базе был сформирован первый и на многие годы единственный лагерь особого назначения ОГПУ. С 1934 года на Соловках находилось одно из отделений Беломорско-Балтийского канала. В соответствии с приказом НКВД от 28 ноября 1936 года. Соловецкое лагерное отделение Беломорско-Балтийского лагеря было реорганизовано в Соловецкую тюрьму ГУГБ (Главное управление государственной безопасности НКВД СССР). Соловецкая тюрьма состояла из пяти отделений: Центрального, Муксалмы, Савватьева, Анзера, пересыльного отделения в Кеми.

14/IV – 35 г.

Ритка! Я бы давно тебе написал. Да вот никак не мог написать хорошее стихотворение. Может, и это нехорошее. Только мне сейчас кажется, что лучшего я бы не написал. Мне иногда бывает стыдно своих слов, так и сейчас. Но с тобой я хочу быть весь как есть. И пишу так, как пишется, заглушив свое дурацкое самолюбие. Почему? Потому, что так хочу! Сейчас я «психую». Может быть, тебе это выражение будет не совсем понятно. Верней, ты его понимаешь. Но не знаешь, как оно выглядит в натуре. В этом я уверен. Это бывает с матросами в дальнем плавании... Но это проходит. Мне сейчас кажется, что все вечно: и жизнь моя на чужбине, и ты там, далеко, такая вечная, вечная и недостижимая, как сон. И все это облечено в пепельную дымку. И какие-то воспоминания перепутанные, как да Винчевский орнамент, жалящим роем облепили меня. Жалящие воспоминания, безобидные, как детство, и все же страшные. Бесконечность, бесконечность, бесконечность... Ритка! Любимая Ритка! Ведь ты не сон! Я знаю, у тебя должны быть жаркие объятия, и ты танцуешь совсем по-земному, пружиня тяжесть молодого тела. Я вижу, ты уже отрастила косы, и они тяжелые, как тропические змеи. Я никогда не танцевал, но с тобой, я знаю, я был бы гибким и хищным, как сама молодость. Может быть, от стального отблеска северного моря и глаза мои похолодели. Да только, я знаю, они бы вспыхнули совсем по-южному, когда бы я обнял тебя. В пору таянья снега как кровь закипает. У оленей и горных песцов, которые меня не боятся, я вижу широкие влажные ноздри. Передо мной лежит мой автопортрет. Я сейчас не знаю, положу ли я его

в письмо или нет. Мне не нравится, как он нарисован. Но он, все говорят, очень похож. И когда мне хочется быть маленьким мальчишкой и ничего не знать, но это малодушие, и я гоню его прочь. Потому что во мне узластые корневища сил дыбятся и крепнут. Ритка! Я художник! (Подпись)

ГМИГ ВХ-6298. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 14 апреля 1935 г.

Их насней, — надтреснут
как камень из неба
мы любим кидаясь в
Когда пронаблюдаем
Мы знаем, что
и в жизни, и в смерти
всесвет, пронаблюдаем
мы любим кидаясь в
И это, кидаясь в
искусство, кидаясь в
искусство, кидаясь в
горячо, кидаясь в
и кидаясь в
аутизм, кидаясь в
все сердце
Бесстрашно
Пыл жизни,
пыл смерти
Увраж о

15/VIII – 35 г.

Я в самом начале этого месяца, получая твои письма, хотел написать тебе. И я писал. Какие длинные и бестолковые письма писал тебе. Но они не добирались даже до конверта, потому что я рвал их. Во мне сидят два беса: один — это бес самобичующей откровенности, нудный и сентиментальный, а другой бес — бес горделивого высокомерия, самолюбивый и злой, как две тысячи его собратьев. Ну и удалось же им забраться в такую жизнерадостную и простодушную оболочку, как я. И вот сидят они во мне и грызутся между собой ежечасно, а я терпи.

Мне двадцать один год, имею темперамент, напоминающий пульс больного пороком сердца, и цель в жизни — искусство, в частности живопись. Вешу 76 кило и столько же поднимаю двумя руками над головой. Люблю девчонку, которую мало видел вблизи, но знаю, что она нежна, как виноград, и горяча, как я. И еще я люблю книги, вино, спорт и табак. Не люблю пижонов и остряков-педантов, которые хорошо танцуют разные фокстроты и смотрят на произведения искусства с почти величественным молчанием. Не люблю их потому, что преуспевают в жизни и в женских сердцах, не стоя того. Я всегда бывал грубее, чем в присутствии их. Я со второй половины зимы и все лето до сегодняшнего дня включительно работаю на физических работах, но чувствую себя не хуже, а лучше. Работал я на лесосплаве и на повалке леса, а сейчас работаю дровоколом на лагпункте. Я окреп и стал как стальной прут. Хотелось бы мне теперь видеть, как какой-нибудь из пижонов сострил бы в моем присутствии. Хотя бы насчет моей неуклюжести.

Сегодня я получил твое письмо от 28/VII. У тебя очень горячая кровь, она жжет мои губы, когда я вижу тебя во сне.

Меня, так сказать, очаровал Стрикленд, или Гоген, как я знал его раньше по Музею новой западной живописи. Он мне понравился, может, еще потому, что я увидел в нем некоторые общие черты со мной. Но только я не такой эгоист, как он, может быть, потому, что я молод и мной еще не так владеет этот демон искусства, как владел он им.

Я еще могу разменивать себя на то, чем человек счастлив в своей повседневной жизни.

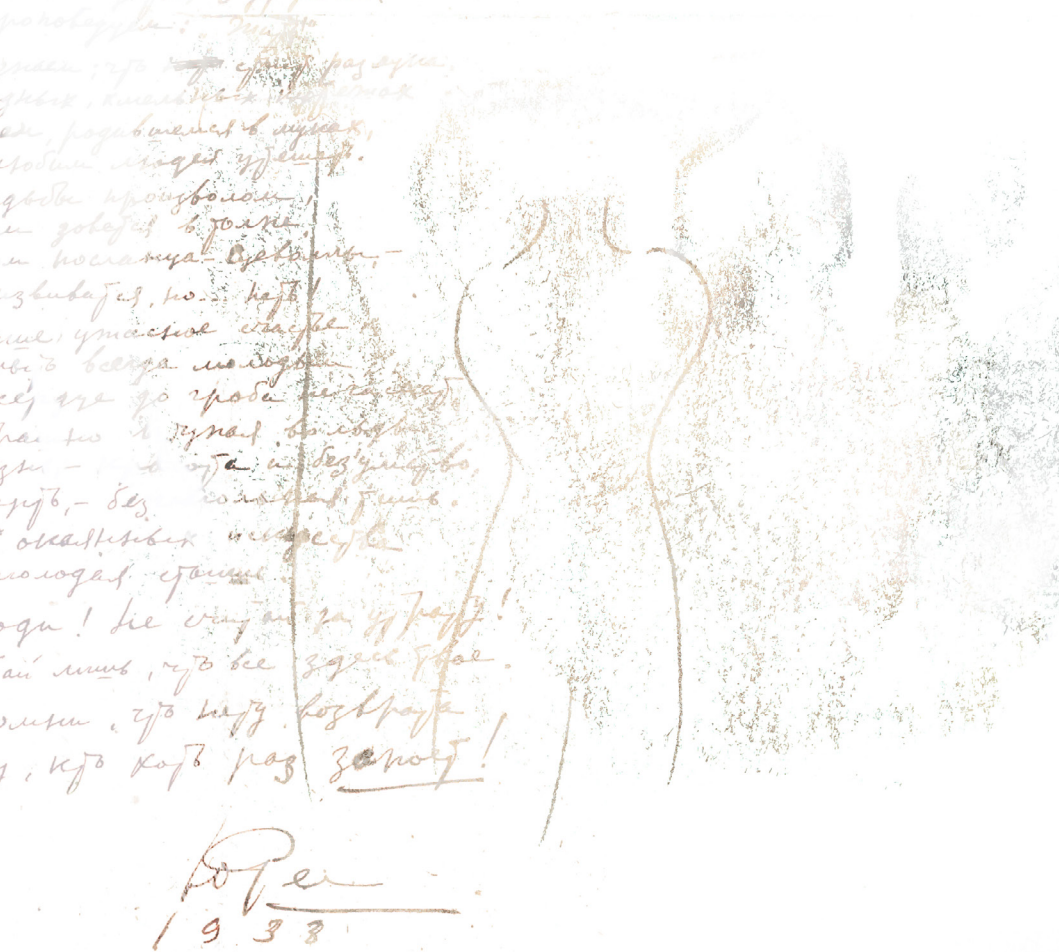
Я более разносторонен, чем Стрикленд, и мне трудней творить, чем ему. Ты говоришь, что ты не уверена в своем таланте.

Это в тебе говорит женщина. У меня такой неуверенности никогда не было, хотя меня больше ругали, чем хвалили.

Да я никогда и не думал особенно над этим. Я рисовал, потому что мне хотелось рисовать. Так же, как я любил, потому что мне хотелось любить. А ошибался я в девушках гораздо больше, чем в искусстве, и поэтому был часто с ними, казалось бы, беспричинно груб. А сейчас я люблю тебя, и ты, несмотря на дальность, гораздо ощутимей, чем те образы, которые я никак не могу закрепить на полотне. Ритка, благодарю тебя за книги. И люблю тебя за то, что ты это ты. Крепко целую.

Твой (подпись)

ГМИГ ВХ-6299. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 15 августа 1935 г.

случайные штрихи, и все меняется, и меня охватывает радость — рисунок вышел. Правда, это детский лепет, это намек, но это уже шаг. Это уже начальное слово книги мастерства. Я почти удовлетворенный отправился к себе. У себя на столе я обнаружил трубку, которую я месяц тому назад потерял. А когда я ложился спать, то, убирая с одеяла шапку, которую я, войдя, бросил на постель, я обнаружил под ней твое письмо. Хороший день. Когда я еще утром шел на работу, какой-то встречный сказал мне: «Добрый день!» Я не заметил его лица. А утро было тихое, и снежинки опускались прямо как белые пушистые паучки. И было совсем тепло, так что я даже распахнул бушлат. Пройдя несколько десятков шагов, я вспомнил приветствие встречного — «добрый день» и подумал про себя: «Да, действительно, день обещает быть добрым». Но мысль эта только мелькнула и растворилась в голубом и тихом воздухе нарождающегося дня. В груди моей было тоже тихо и тепло. Весь день я был спокоен и не узнавал себя. Добрый был день. Ритка! Если бы я мог обнять тебя! Врасти на несколько минут в твою нежность, напиться твоей сладостью, пьянящей, женской... Ритка! Люблю...

ГМИГ ВХ-6301. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 17 января 1936 г.

17/1 - 36 г.

Ритка, здравствуй. На днях я получил твое письмо. Я давно не испытывал такой счастливой минуты. В день получения твоего письма я весь вечер провел в мастерской, работая над одним портретом. Я его рисовал уже третий день. Рисунок не удавался. Хотя другие говорили, что им нравится, а я готов был уже его бросить. Но вот я делаю какие-то

14/II – 36 г.

Милая Ритка, здравствуй! Вот я третий раз приступаю к этому письму, хочется говорить тепло и понятно, но я здорово завишу от настроения. Ритка, ты извини меня за столь длительное молчание, но я бы продолжал молчать, если бы не получил твоего письма, здесь мое бестолковое самолюбие взяло верх. Но, Ритка, я могу смотреть просто на вещи, и вот я повторяю, может быть, в тысячный раз, что люблю тебя. Люблю. Ведь было то время, когда я стыдился этого слова. Это что-то врожденное во мне. Я не помню, когда бы я произнес хоть одно нежное слово. А тебе, Ритка, верю, я бы сказал его. Ты бы услышала мой голос таким, каким его еще никто не слышал. Сколько бы нежных слов я бы сказал тебе! Но их, наверное, скажет или говорит другой. Ритка, если это так, ты все же остаешься самой светлой для меня. Здесь места нет для обиды. Но я надеюсь, что наша любовь расцветет, а чувства сольются, не успев погаснуть. Сейчас же ты для меня являешься силой, помогающей мне жить, работать и учиться. Я много рисую и пишу маслом и чувствую сам, как двигаюсь вперед. Это говорят и другие. Искусство меня поглощает целиком, и время летит. Лишь иногда оглянешься и увидишь, что уже больше двух лет отделяет нас. Сегодня морозный, солнечный день и ветра почти нет. Розовый дым из труб кажется голым и теплым, а сугробы мягче, чем они в действительности есть. Этот морозный день очень похож на другие морозные дни, которые затерялись в детстве вместе с картинками к сказкам. И я, право, не смог бы сказать определенно, что напоминает мне сегодняшний мороз — картинки или те далекие дни. Память наша синтезирует все впечатления в образы,

насыщенные красками более яркими, чем все виденное. Поэтому картины, писанные от себя, так волнуют нас своей необъяснимой мелодией цвета. В этом случае натурой служит память, обогащенная опытом мастерства. Я пишу исключительно с натуры, приобретая это мастерство. Только как-то раз пробовал написать тебя по впечатлению сна. В том сне я ощущал тебя очень ярко, нервами всех пяти чувств. Ритка, я иногда бываю бесстыдно откровенен, а иногда и груб, но эта неровность с годами уйдет. Время — это ваятель души.

Я сам ощущаю на себе его силу. По-моему, поэзия отходит от меня, уступая место живописцу. Ритка, большое спасибо за альбом Музея западной живописи, он является солидным подспорьем в моей учебе. Особенно мне симпатичны Сезанн и Дерен, а Гоген и Ван Гог слишком индивидуальны, чтобы учиться у них, так как здесь есть опасность бессознательного подражания их красоте. Сезанн же, подобно мастерам Ренессанса, является благодатной почвой, которая способна взрастить любую индивидуальность. Ну, всего хорошего, милая Ритка. Люблю и целую.

Твой (подпись)

P.S. Жду твоих писем и фотокарточек.

ГМИГ ВХ-6303. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 14 февраля 1936 г.

23/III – 36 г.

Сегодня теплый день. Солнечно и тихо. С крыш течет.
Вот я в мастерской, я кончаю портрет. Мой взгляд падает
в окно. Там (неразборчиво) крыши ослепительно яркие.
А над (неразборчиво) белесовато синее и все же весеннее
небо. Я погружаюсь в мечты. Они увлекают меня далеко
на юг, туда, где уже настоящая весна. Вот провинциальный
городок, солнечные лужи и потемневший снег. Как хорошо
шлепать по лужам, распахнув пальтецо! И чувствовать в груди
легкую свежесть весны. Как хорошо быть двенадцатилетним
шкетом, уже влюбленным и полным самых неясных, огромных
и волнующих надежд. Я вспоминаю дальше и вдруг чувствую,
как сжимается мое сердце — это я в первый раз встречаюсь
с тобой. Твой образ постепенно и как-то неумолимо
просачивается в мое сердце, и вот он заполняет его целиком.
И однажды, взглянув на тебя, я буквально ловлю себя на мысли
о том, что как легко можно перегнуть тебя и крепко-крепко
сжать. Эта мысль почему-то тогда мне показалась дикой.
Ритка! Сегодня солнышко светило так мягко и тепло.
Оно видело обоих нас на этом свете. Оно грело обоих нас.
А сегодня вечером мне сообщили о разрешении моего
свидания с папой после открытия навигации. И моя мечта
о тебе, Ритка, сразу стала ясной, как этот солнечный день.
Ритка, крепко-крепко целую и люблю! Твой (подпись)
P.S. Жду весенних Риткиных писем. Адрес мой: Мурманская
ж.д., г. Кемь. Соловки. 1 труд. колонна Ю.А. Решетникову.

ГМИГ ВХ-6305. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой,
8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 23 марта 1936 г.

Солнцу на риге во вране
называется "игра кон". Я
издавал кофетеро-варил. ко
моду, правда от карачено бокара
давал откудывие прикудывие
мое прикудывие. Боже, во мону
и мону, правда, как-то
тот и другой содержится.
Тот и другой прикудывие: "игра
кон". Там от огни
Там, что там же. Боже.
В. говоришь, что
"во мону кон"
и думал, что вране,
и мону, так и
и думал, что мону
и мону, что мону
и мону, что мону
и мону, что мону

Ритка! Сегодня солнышко светило так мягко и тепло.
Оно видело обоих нас на этом свете. Оно грело обоих нас.
А сегодня вечером мне сообщили о разрешении моего
свидания с папой после открытия навигации. И моя мечта
о тебе, Ритка, сразу стала ясной, как этот солнечный день.
Ритка, крепко-крепко целую и люблю! Твой (подпись)
P.S. Жду весенних Риткиных писем. Адрес мой: Мурманская
ж.д., г. Кемь. Соловки. 1 труд. колонна Ю.А. Решетникову.

Твой Ю.А.

24/IV – 36 г.

Милая Ритка, здравствуй! Когда я получил твое письмо с карточкой, я тут же сел писать ответ. Я начал стихом. Но нет у меня стихов для моего чувства к тебе. Огорченный, я не принимался за письмо в течение недели. Ритка, ты источник всего самого нежного во мне. Говорят, я груб и толстокож. Но это ошибка. Я просто не люблю обнажать своей души. С тобой же я могу говорить тепло и ласково через занесенные снегами зимой и зеленые летом пространства. Сейчас весна. Белокрылые гости — чайки кричат, кувыркаясь в горячих лучах. Ручьи так знакомо, по-детски лепечут о прежних моих веснах, рассказывая о их волнующих встречах и надеждах так подробно, что даже в сердце щемит. Я целую твою карточку осторожно, словно она может растаять в воздухе от прикосновения моих губ. Люблю мою Ритку!

(Подпись)

P.S. Адрес тот же.

ГМИГ ВХ-6307. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 24 апреля 1936 г.

Буду Москва 64
(наименование места, где находится получатель, и районный адрес, а для студентов — наименование учебного заведения)
подполковник Резников
(фамилия, имя и отчество)
дом 18, кв. 17
(улица, № дома и квартиры)
Синельниковой
(подробное наименование личности)

1/VII – 36 г.

Ритка любимая, здравствуй! С какой силой снова дышит грудь, когда я думаю о тебе. Воспоминанья, если часто возвращаться к ним, тускнеют, но никогда не умирают — они спят. И в каждый час они готовы проснуться. Ты вчера была со мной. Морозным зимним вечером мы попрощались у твоего дома. Я горячо пожал твою руку. Но почему я не поцеловал тебя? Сейчас лето. Купанье. А вечерами трубят комары. Даже у нас иногда настоящий июльский зной. Но я вчера попрощался с тобой. Я шел по безлюдным переулкам, и под ногами крепко поскрипывал снег. И мне было девятнадцать лет. А сегодня мне двадцать два. И мне сама судьба судила быть художником. Она отделила меня от всего прекрасного, чтобы я с большей жаждой стремился к нему. Архитектура, музеи, спорт и женская близость подобны тому плоду, что осмелился съесть Адам. Но мне кажется, что я все же счастливей многих вкушающих все это. Я сам кую в себе творца. Художники Суриков и Серов лучше Репина, их косноязычие заставляло их больше любить и всматриваться в природу. Эти немногие часы свиданья с отцом всколыхнули во мне давно забытые картины. И интересно то, что яркость воспоминаний в прямой пропорции с давностью. Вот перелесок, молодые березки и какой-то кустарник. Мы собираем землянику. За перелеском горит алая заря. И весь вечер какой-то земляничный. Мне не больше восьми лет. Вот мой младший братишка наклонился в траву, и оттуда краснеет его рубашонка. Вот он вскакивает. Я вижу смеющийся рот, который тоже весь в землянике, и на правой щеке прилипший ржавый земляничный листок. Но где папа?

Мы хором кричим: ау! И вот шевелятся и раздвигаются кусты, и отец выходит на лужайку с корзиной, полной ягод. После мы идем домой. Я устал. Папа берет меня на плечи. Последние воспоминания этого отрывка уходят в мерно качающуюся, угасающую вечернюю даль, окаймленную земляничной полоской зари. Чем ближе, тем отдаленней. И жизнь моя в институте — это мираж, в котором реальна только ты. В моих ладонях нежные руки. Я кладу их к себе на плечи. Я обнимаю и целую милую Ритку. Я говорю: до свиданья, мой друг и жена. Мы когда-то немного были вместе. Очень немного. Но это воспоминанье, как эхо, бьется в ущельях жизни. А сейчас время выходить на работу. До свиданья, мой Ритенок. Я, как растроганный зверь, до гуманности верен тебе. Люблю и целую, твой (подпись)

ГМИГ ВХ-6309. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 1 июля 1936 г.

ран тебе написать в письме, не
могут быть. Ее не может быть,
как по неуважению от нас: прощай
нам, так и напишу, что я не хочу
ее. Я не хочу коверкать твою моло-
дость. А ведь тебе уже 20 лет. Тебе
самое время пить сладость жизни.
Что до меня, то я никогда не про-
бовал этой сладости. И в этом в
основном виноват я сам! И отчасти
природа, создавшая меня. А кроме
того, ведь я художник. Ну да
речь не обо мне! Я навсегда оста-
нусь так сказать Кенигсмарком
по отношению к себе. А вот
ты-то, ты ведь молодая, цветущая
жизнь с огромным
горячим сердцем. Тебе до
этого блаженства.

13/VIII – 36 г.

Ритка любимая, здравствуй! Вчера я получил твое письмо, написанное 22 июня 36 г. Это письмо заставило меня крепко призадуматься о нашей судьбе. Этот решительный тон требовал не менее решительного ответа. Вот он: Ритка, забудь меня! Ты достойна лучшей любви. Я вспоминаю одно стихотворение, которое я нашел еще год тому назад. Оно начинается так: «Скоро, скоро, в самый теплый вечер, в два весенних полноводных дня он придет к тебе, широкоплечий, чуточку похожий на меня» и т.д. Видишь, я уже давно решил. Кстати, той, так сказать, географической близости, о которой ты пишешь в письме, не может быть. Ее не может быть как по независящим от нас причинам, так и потому, что я не хочу ее. Я не хочу коверкать твоей молодости. А ведь тебе уже 20 лет. Тебе самое время пить сладость жизни. Что до меня, то я никогда не пробовал этой сладости. И в этом в основном виноват я сам. И отчасти природа, создавшая меня. А кроме того, ведь я художник. Ну да речь не обо мне. Я навсегда останусь, так сказать, Кенигсмарком по отношению к счастью. А вот ты-то, ты ведь молодая, цветущая жизнь, с огромным горячим сердцем. Ты должна быть обладательницей всеми красотами жизни. Потому что если не ты, так кто же тогда достоин счастья?! А для всего этого ты должна забыть меня. Так я хочу. Есть пословица: «Полюбите нас черненькими, а беленькими нас всяк полюбит». Ритке, ненаглядной девчонке, полюбившей черненьким светлого большого человека, прощальный поцелуй. (подпись)

ГМИГ ВХ-6311. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 13 августа 1936 г.

11/X – 36 г.

Ритка, любимая, ты поняла, что это с моей стороны была глупость. Ты оказалась сильнее меня. И твое ответное письмо — поистине лучшее наказание за мою истерику. Мне стыдно, Ритка, ведь только подумать, что я хотел вычеркнуть из своей жизни часть того, что помогает мне жить и работать.

Я хотел забыть тебя. Но я убедился, что это невозможно.

Ритка, любимая, маленькая, нежная, мне от тебя не уйти!

Сейчас осень, самое лучшее для меня время года.

Дни, когда холодные ветры гонят к берегу пену черных волн и над землей свинцовые тучи и дожди. Но не все время дуют ветры. Сегодня тихо и солнце светит ярко, а голубое холодное небо абсолютно пустынно. На дворе звенящий шорох листьев.

Они на камнях, на деревьях, в воздухе, всюду. Я прохожу под деревьями, и листья падают мне на руки как желтые сердца.

А вот два красных, они так тесно прижались друг к другу и так тихо опустились на землю, что я на мгновение остановился, словно ошеломленный каким-то откровением природы.

У меня в груди грусть. Но не опустошающая грусть одиночества, а легкая, сладкая грусть желтизны. В этой грусти много творческих сил. Сердце торопится высказать все, что в нем есть. Бодрая свежесть наполняет его. Это перед снегами, перед глухим завыванием пурги и непробудной спячкой сугробов. Сердце хочет любить, любить и любить... Ритка!...

Крепко-крепко целую мою маленькую Ритку.

Навсегда принадлежащий ей (подпись)

P.S. Посылаю тебе с этим письмом свой автопортрет.

Я его хотел сделать в виде наброска, но увлекся и просидел битых полтора часа. Все никак не удавались глаза. Они у меня

слегка раскосые, а это-то и не выходило. Да и, в конце концов, не вышло. Хотя все говорят, что я здесь похож.

Работа не из удачных. Но автопортрет для меня вообще трудная вещь. И из всех моих автопортретов этот, с точки зрения сходства, лучший.

ГМИГ ВХ-6313. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 11 октября 1936 г.

10/1 – 37 г.

Милая Ритка, здравствуй! На днях я получил твое новогоднее письмо. Этот новый год был более радостный, чем прошлый. Надеюсь, что будущий будет еще лучше, так как этот омрачен невозможностью видеть тебя. Сегодня я видел во сне мою ненаглядную Ритку. Так пусть и я приснюсь ей тем счастливым Дедом Морозом, о котором она писала. Пусть он распахнет свою шубу и приласкает ее на груди. Борода не помеха, у елочных дедов морозов она приклеена и срывается очень легко. Целую мою девочку крепко-крепко, чтобы поцелуй был слышен в морозном воздухе нового года. Ритка!
Люблю, люблю и люблю... Твой (подпись)

ГМИГ ВХ-6315. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой,
8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 10 января 1937 г.

Милая Ритка, здравствуй! Сегодня пришло твое письмо. Письмо от тебя — это самая большая радость из всех, которые я могу получить сейчас. Мое сердце всегда сладко замирает при виде почерка моей любимой Ритки. Широкие кругляши букв приводят меня в умиление. Рой чувств захлестывает меня и уносит мои мысли на Мясницкую, к подъезду института, к маленькой девчонке. Я хочу плакать, смеяться, кричать: Ритка, Ритка, ненаглядная, нежная и маленькая, ты стала огромным счастьем для одного художника. Он верит, что ты внесешь покой в его сердце и сделаешь его большим-большим, таким, что тебе сначала станет страшно, а потом ты поймешь, что для тебя он только добрый Юрка, и ты станешь ласкать его. Ритка, ты неправа, когда говоришь о замкнутости художника. Впечатлениями своими он перестает делиться с окружающими только тогда, когда он перестает быть учеником в узком смысле этого слова, т. е. когда в руках его уже есть мастерство, когда впечатления свои он целиком может выразить изобразительно. А до этого он беспрерывно общается с другими, он делится опытом и тем самым накапливает его. Он идет на поводу у более сильных, и если он действительно художник, он берет от них лучшее, а иногда в целях уяснения той или другой стороны мастерства рабски подражает им, как подражает он и самой природе, ибо «гений есть дитя подражания», как говорит Врубель. Необходимость уединения и сосредоточенности появляется само собой, и не нужно ломать своих чувств, это только мешает идти вперед. Не нужно мнить себя слишком рано творцом. Ведь недаром Врубель, когда учился у Чистякова, сделал больше сотни

спичечных коробок, прежде чем перейти к более сложной натуре, а после — к таким композициям, как «Демон», «Пан» и т.д. Это не значит, что нужно держать себя исключительно на коробках, пиши что хочешь, но привыкнуть к определенной системе изучения своего мастерства необходимо. Ну, о живописи довольно. Ритка, это интересно иметь твою фотографию, где ты на лыжах. Но я боюсь, что там будет твое лицо слишком мало. Поэтому лучше, если ты снимешься в том синем платье, которое ты сама придумала. Снимись в нем и как можно ближе к объективу. Я хоть на фотографии буду видеть тебя. Посылаю тебе с этим письмом свой автопортрет, он определенно сделан пятном. Поэтому на него лучше глядеть издали. Сходство и взгляд мой он передает довольно точно. Рисунок же и на этот раз немного пошаливает. У меня вещи выходят лучше всего в натуральную величину, и многие говорят, что я буду монументальным живописцем. Впрочем, я редко думаю о своей судьбе, гораздо больше думаю о способах изображения. О тебе же я не думаю, я просто всегда нахожусь под твоим обаянием и люблю, зверски люблю тебя! (Подпись)

ГМИГ ВХ-6317. Письмо Ю.А. Решетникова — Р.Я. Синельниковой, 8-е отделение Белбалтлага на Соловецких островах, 11 февраля 1937 г.

Ритка, здравствуй! Вчера я получил твое письмо.
Какой теплотой веет от тебя, задумчиво глядящей большими красивыми глазами. С этой фотографии я напишу твой портрет. Фотография не объект для живописи, но любовь дает мне частицу тех цветов, которыми обладает природа.
А она обладает цветами бесконечных сочетаний, царящих в ней незримо и растворенных в хаосе движения.
Только воображение художника организует их на полотне.
Поэтому произведения больших мастеров отличаются от иных произведений своей тектоничностью. В них все подчинено общему ритму, начиная от первого мазка и соотношения масс до повествовательной композиции. И это явление называется гармонией или красотой. В детстве у меня была книжка о Рафаэле, на обложке которой был помещен его автопортрет. Участь этого человека долго не давала мне покоя.
Это было в детстве. После жизнь оттеснила, если не совсем спрятала от меня, этот образ. Во всяком случае мои отрочество и юность не знают искусства. Я увлекался авиацией, спортом, строительным делом и многим, только не искусством.
В это время я почти не помню себя за рисованием.
Но вот и у меня настал тот миг, когда человек определяет свой жизненный путь. Это случилось незадолго до всего, что случилось. Я попал в Третьяковку, а после в Музей изобразительных искусств. Что-то проснулось во мне.
Очарование детства нахлынуло с новой силой.
И вот я поступаю в институт. Незнакомый волнующий мир окружает меня. Но тут в мысли о счастье начинает врываться какой-то чуждый мотив. Он холоден, он полон отчаянья

и мрака. Так наступила ночь в моей жизни, озаглавленная пророческими строками об одиноком охотнике в далекой тайге. Появление этих строк я не могу объяснить себе до сих пор. Счастье, единственное счастье взошло и погасло, оставив в моей памяти бесконечный след. Что это? Легкомыслие мое или вероломство моего сердца отпугнуло его. Или кто-то более мудрый, чем я, увидев хозяйственным оком неготовность и несозревшую любовь, решил заставить меня полюбить всем существом своим то, по отношению к чему я, быть может, грешил. Моя смешанная кровь дает мне много энергии, она же дает уживаться во мне самым противоположным чувствам. Добродетель и порок ни на минуту не прекращают во мне борьбы. Я представляю тебя, глядящую на мой портрет. На это лицо, носящее отпечаток всего, что происходит внутри. Ты смотришь добрыми, понимающими глазами, и мне так хорошо и тепло с тобой. Мне, в сущности доброму и мягкому человеку, так хочется твоей любви. Хочется успокоиться в твоих объятиях и говорить нежные тихие слова... Ритка! Ведь иногда меня гнетет и пугает моя бурная ледяная страсть. Как-то мне случилось быть одному на пустынном побережье северного моря. Смеркалось, и синяя пустыня снегов окружала меня. Лишь на горизонте виднелась черная с лиловатым отливом полоска воды. Но что больше всего привлекало меня — это небо. Холодное, лишенное всякой жизни. Оно было красиво своей бездыханной красотой. Что-то нереальное было в нем. Причудливые формы облаков. Казалось, допотопные горные кряжи нашли в них свое отражение. Свинцовая мгла пещер. Темные и вместе с тем как бы светящиеся собственным

светом глыбы. Там что-то двигалось, какие-то снежные обвалы поднимали медленный прах. Что-то нарастало, а в полном безмолвии приближающейся ночи я начинал слышать трубный рев первобытных существ. Он становился все громче и громче и не нарушал тишины. Очертанья менялись и мутнели, и в них была бурная ледяная страсть. Это однообразное серое небо таило в себе какую-то другую, исполинскую жизнь. И я чувствовал себя таким маленьким, таким затерянным среди этого величия, что невольно поддался чувству неясного страха. Мне захотелось тепла человеческой речи и спокойствия освещенных комнат. Мне захотелось домой. Ритка! Сердце твое теперь стало моим приютом. Недаром моя любимая мелодия — это «Песнь Сольвейг» Грига. Она всегда трогала меня. Мне кажется, что и ты поешь эту песнь. Целую, твой (подпись)
P.S. О разрешении свидания со мной ты можешь подавать теперь. Только укажи точно число, когда тебе удобней.

ГМИГ ВХ-6318. Письмо Ю.А.Решетникова — Р.Я.Синельниковой, Соловецкая тюрьма особого назначения, 18 апреля 1937 г.

09.10.1937 Юрий Решетников был приговорен тройкой УНКВД по Ленинградской области к высшей мере наказания. Он был вывезен с Соловецких островов с группой заключенных и расстрелян 03.11.1937 в урочище Сандармох, Карельская АССР. Реабилитирован в 1989 г.

Рина Синельникова всю свою жизнь тепло вспоминала о Юрии Решетникове, рассказывала о нем своим близким. Она ушла из жизни в 2004 г. в возрасте 88 лет.

Когда же и солнце проспится
У облака в муфте глухой,
Оно пролетит олимпийцем
Над просиявшей землей.
Тогда-то начнется грустьба —
Там счастье, и свежесть, и свет.
Меня ж, как истлевших сугробов,
Меня — звонкогорлого — нет...

Послесловие

Сандармох — лесное урочище под Медвежьегорском в Карелии, где в годы Большого террора происходили массовые расстрелы. Захоронения были найдены в 1997 г. Юрием Дмитриевым, Вениамином Иоффе и Ириной Флиге. Юрий Решетников находился в числе первых заключенных, расстрелянных в этом месте.

Сейчас в Сандармохе на мемориальном кладбище среди множества памятных знаков установлен камень с надписью: «Здесь с 27 октября по 4 ноября 1937 года были расстреляны 1111 заключенных Соловецкой тюрьмы».

5 августа в Сандармохе проходит Международный день памяти жертв политических репрессий. Здесь покоятся 6241 человек, мы знаем их поименно.

Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность коллегам из Музея истории ГУЛАГа, без помощи которых проект не смог бы осуществиться:

Константину Андрееву
руководителю Образовательного центра

Марии Лоцмановой
руководителю Центра документации

Илье Удовенко
старшему научному сотруднику

Татьяне Полянской
кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику

Наталье Карпухиной
главному хранителю

Ольге Булатновой
заведующей сектором учета отдела учета и хранения фондов

Олесе Евтеевой
научному сотруднику отдела учета и хранения фондов

Анне Стадинчук
заместителю директора по развитию

Кристине Танис
PR специалисту

Артему Готлибу
заместителю директора по общим вопросам

Анне Веселовой
ведущему специалисту отдела правового обеспечения

Светлане Пуховой
руководителю издательской программы

Кириллу Горбунову
графическому дизайнеру

© Анастасия Черникова, 2020
© Виктория Андропова, 2020
© Георгий Малинский, 2020
© Музей Истории ГУЛАГа, 2020
© Фонд Памяти, 2020
© Цех Книги, 2020

[illegible]

low when
P.S.

...же
...наше
...малодуш
...проба не знает,
...наш бо боры.
...и без'гнест'во,
...наш Гимн.
...одну, наш у... Глебных
...ные. Беспокояюще, Беспокояюще, Бес-
...покояюще... Ружка! Любимая Ружка!
...ведь ты не сох! Я знаю у тебя душа
...буль жаркие объятия ты гасишь
...совсем по земному, крутишь пальцы на
...роу гела. Я вижу ты умеешь отпустить
...и они рождаются, как трюмальные
...Я никогда не гасил, но свобод,
...Я был - ты износила и кинула, на-
...младура. Помню твой от жал
...отблеска северного моря и ты
...королем. Ты была, я знаю
...вспыхнула совсем но важно
...ты и отдала себя. В морю! Ты
...как краб зажимает. У
...горных пещер, Которые

11/IV -
- те и солны
ка в издате
судят сами
в вншнем зр.
то карьеры
и светел
Губиних

Музей истории ГУЛАГа